

АЛСУ ГАФУРОВА

*Цветущий клевер
на снегу*

Алсу Гафурова

Цветущий клевер на снегу

<https://litres.ru/73886873>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта история про любовь и предательство, надежду и дружбу. Про то, что иногда помощь приходит оттуда, откуда не ждёшь и совсем посторонний человек становится ближе, чем родной.

Ася прошла тяжёлый путь: трудное детство, нищая юность, любовь, предательство... Её несправедливо обвинили в смерти возлюбленного, она провела ужасные месяцы в СИЗО, но её душа не сломалась и, выйдя на свободу, при содействии таинственного адвоката, она начинает замечать знаки и подозревать, что ее возлюбленный жив, и именно он автор этого коварного плана, жертвой которого стала она...

Алсу Гафурова

Цветущий клевер на снегу

Глава первая. Синичка на раме

Ася проснулась от странного звука. Не от гула машин с проспекта — к нему она давно привыкла, он стал саундтреком её одиночества, низкочастотным гулом, на который мозг переставал реагировать. Это было что-то другое: тихое, настойчивое, живое. Цок-цок-цок. Как будто кто-то крошечный и невидимый стучался к ней в окно, царапал стекло ноготком.

Она лежала с закрытыми глазами, вслушиваясь. Два года назад она бы испугалась. Год назад — не обратила бы внимания, утонув в апатии. Но сейчас, сегодня, это был самый интересный звук за последние несколько недель. Он не вписывался в монотонный ритм её существования. Он был событием.

Осторожно, почти не дыша, она отодвинула край тяжелой портьеры, подняв облачко пыли. За стеклом, на заиндевевшей алюминиевой раме, сидела синичка. Крошечный, яркий комочек жизни с лимонно-желтой грудкой. Она что-то усердно клевала с подоконника, возможно, прошлогодние семена клена, занесенные сюда ветром. Увидев движение, синичка подняла головку, и Ася встретилась с её круглым, блестящим глазом-бусинкой. В нем не было ни страха, ни любопытства — лишь чистое, бездонное присутствие. Мгновение — и птица вспорхнула, исчезнув в серой утренней дымке.

Ася неловко, опираясь на локоть, смотрела ей вслед, пока та не растворилась среди крыш и спутниковых тарелок. В горле встал комок. Эта маленькая птица была свободнее её.

Перед её взором открывалась привычная, выверенная до пикселя панорама мира-клетки. Она жила на семнадцатом этаже. Из её окон был виден весь их спальный район — бетонные коробки, похожие на её, и маленький, игрушечный парк внизу. Парк с покосившимися скамейками и маленьким фонтаном, который не работал уже лет пять, если не больше. Летом в его чаше скапливалась дождевая вода, а зимой — сугробы. Этот парк стал единственным местом её

прогулок за последний год. Её вселенная ограничивалась радиусом в пятьсот метров от подъезда — ровно тем, куда позволял ей отходить чёрный пластиковый браслет на её лодыжке.

Она опустила взгляд на него. Холодный, негнувшийся ремешок, на котором мигал крошечный зелёный огонёк. Как циферблат вечного отсчета. Отсчета её наказания.

Уже год.

Год с того дня, как судья огласил приговор.

Уже год, как она в полном отчаянии. Отчаянии, которое стало таким же привычным, как утренний чай. Оно не кричало, оно тихо пульсировало в такт зелёной точке на браслете.

И уже два года.

Два года, как ушёл Макс. Просто не вернулся вечером домой. Сначала она думала — работа, задержался. Потом — авария. Потом — всё, что угодно, лишь бы не самое страш-

ное. Но проходили дни, недели, а его телефон упорно молчал, выдавая короткие гудки «абонент недоступен». Он растворился в огромном городе, как та синичка в утреннем небе. Исчез, оставив после себя лишь зияющую пустоту и вопросы, на которые не было ответов. Следователь говорил: «Добровольный уход. У него могли быть причины». Но какие причины могли быть у человека, который с утра целовал её в макушку и говорил: «Вернусь к ужину, закроем гештальт с этим делом»?

Уже два года, как она его ждёт. Эта надежда была её главной клеткой, прочнее любого браслета.

Она потянулась к тумбочке, где в рамке под стеклом стояла их общая фотография. Они на Пискаревском кладбище, странное место для свидания, но Макс любил его тишину. «Здесь помнят о любви, которая сильнее смерти», — говорил он. Он обнимал её, а она смеялась, запрокинув голову, и в кадр попал кусок серого питерского неба. Она провела пальцем по его улыбке. Стекло было холодным.

«Где ты?» — прошептала она. Тишина в комнате была ей единственным ответом.

За окном, в сером небе, где только что была синичка, медленно и бесшумно пошел снег. Первый снег этого ноября. Он был похож на пепел.

Глава 2. Чай с пылью

Снег за окном уплотнился, превратившись из легкой крупы в тяжелые, мокрые хлопья. Они прилипали к стеклу, сокращая и без того урезанный мир Аси до размеров аквариума. Зелёная точка на браслете пульсировала в такт тиканью настенных часов — механических, с маятником. Ни компьютера, ни телевизора, только они, этот тикающий сторож, и её мысли.

Она подошла к мольберту. На нем — чистый, ослепительно белый холст. Он пугал её своей пустотой больше, чем любые образы. Что она может нарисовать? Свой страх? Свою тоску? Портрет Макса, который с каждым днем становился всё более размытым в памяти, как фотография, оставленная под дождем?

В дверь постучали. Три отрывистых, четких удара. Это был не адвокат — тот стучался иначе, мягко и почтительно. Ася вздрогнула, сердце ёкнуло, уходя в пятки. Никто, кроме него и курьеров с едой, сюда не приходил.

Она приоткрыла дверь, не отпуская цепочки. В проеме стояла пожилая женщина. Невысокая, прямая, в простом, но качественном шерстяном платье и с живым, пронзительным взглядом из-под густых, уже седых бровей.

— Здравствуйте, соседка, — голос у нее был низкий, немного хриплый, но тёплый. — Я Лидия Павловна, из квартиры напротив. Вижу, вы новенькая. Не считите за беспокойство, сварила лишнего чаю.

Она протянула через щель старомодный, жестяной поднос. На нем стоял термос и две граненые пиалы, а в блюде лежали три куса домашнего песочного печенья.

Ася растерялась. Вежливость, идущая из другого мира, из мира за стенами этой квартиры, была неожиданной и немно-

го подозрительной.

— Я... Спасибо, — пробормотала она, не отпуская цепочку.

— Да не за что, — женщина улыбнулась, и в уголках её глаз собрались лучики морщин. — В одиночестве чай безвкусен. Да и снег сегодня тоскливый. Как пепел.

Слова «как пепел» отозвались в Асе эхом её собственных утренних мыслей. Это совпадение стало последней каплей. Она медленно закрыла дверь, щёлкнула цепочкой и открыла уже полностью.

— Прошу, — сказала она тихо. — Только ненадолго.

Лидия Павловна вошла, окинула квартиру быстрым, оценивающим взглядом — не с осуждением, а с любопытством реставратора, увидевшего странный предмет. Взгляд скользнул по мольберту с пустым холстом, по дорогой, но безличной мебели, по окнам в снежной пелене.

— Шикарно, но неуютно, — констатировала она, ставя поднос на стеклянный стол. — Как в гостинице «Астория». Я там один раз ночевала, в семьдесят девятом. Тот же лоск и то же ощущение, что ты здесь проездом.

Ася не знала, что ответить. Она молча разлила чай по пиалам. Аромат был горьковатым, смолистым.

— Это с полынью, — пояснила Лидия Павловна, прихлебывая. — От тоски помогает. Древнейшее средство.

— Вы... вы знаете, кто я? — не удержалась Ася. Вопрос вырвался сам.

Старушка посмотрела на нее поверх пиалы. Её взгляд был бездонным.

— Знаю, что моя новая соседка не выходит из дома и у неё глаза, как у раненой птицы. Остальное — не моего ума дело. Если захочешь — расскажешь. Я вот, например, сорок

лет проработала главным библиографом в Публичке. Теперь на пенсии, книги читаю, за погодой слежу. И за соседями, — она снова улыбнулась, но на сей раз её улыбка показалась Асе немного таинственной.

Они допили чай в почти молчании. Оно было не неловким, а каким-то мирным. Впервые за долгие месяцы Ася чувствовала присутствие другого человека, которое не давило и не пугало.

Проводив Лидию Павловну до двери, Ася вернулась к мольберту. Пустой холст уже не казался таким враждебным. Она взяла угольный карандаш и, почти не думая, провела несколько легких, прерывистых линий. Очертания окна. Рама. А на ней — крошечный, едва заметный силуэт синички.

Она не нарисовала клетку. Только птицу и окно.

За стеной слышались тихие, мелодичные звуки старого вальса. Лидия Павловна включила патефон. И Ася поняла, что её одиночество, такое полное и абсолютное, дало первую трещину.

Глава 3. Лихорадка и клевер

Тихое щелканье замка за спиной Лидии Павловны стало звуком, переломившим хребет тишине. Одиночество, смилившееся на время визита, снова напоззло стенами, но теперь оно было иным — не таким гнетущим. В квартире пахло полынью, и этот горький, целебный аромат витал в воздухе, как призрак надежды.

Ася подошла к окну. Снег не утихал. Он заваливал парк, крыши машин, скульптуру фонтана, превращая мир в стерильную, безмолвную картину. Она прижала лоб к холодному стеклу. В теле ломота, голова гудела, словно после долгого плача. Простуда, подхваченная в промозглом коридоре суда месяц назад, не желала отступать, переходя в вялотекущую, изматывающую лихорадку.

«От тоски помогает», — вспомнились ей слова соседки.

Она медленно доплелась до дивана и укуталась в тяжелый

плед. Глаза сами закрылись, и сознание поплыло, уносимое волнами жара и горького чая.

...Она снова в своей старой комнате, той, что снимала у тети Люды. Пахнет вареной картошкой и старостью. За окном — не снег, а бесконечный осенний дождь. Она спешит в студию, мольберт под мышкой давит на ребра, а в душе — привычная, съедающая тревога: хватит ли денег на краски до зарплаты? Хватит ли сил вечером на свои картины?

Студия «Радуга» была ее убежищем и ее клеткой. Дети, их смех, их непосредственность — это спасало. Но взгляды родителей, оценивающие, холодные, напоминали ей о ее месте. Бесперспективная учительница рисования из глубинки.

И вот он. Михаил.

Он стоял в стороне от других родителей, не сводя глаз с маленькой рыжеволосой девочки, старательно выводившей кистью радугу.

Он был невысок, коренаст, с лицом человека, видавшего

виды, и странно уставшими глазами. Когда урок закончился, он подошел к Асе.

— Извините за беспокойство, — голос у него был тихий, почти застенчивый, но взгляд цепким. — Ася, да? Я Михаил. Я работаю водителем в одной семье...

Там девочка, Женя.

С ней... несчастье случилось.

Серьёзная авария.

Мать погибла.

Девочка выжила, но не ходит, не говорит....

Ни с кем.

Врачи разводят руками.

Я видел, как вы с детьми...

Вы особенная..

Она раньше рисовать любила.

Он помялся, глядя в пол. — Хозяин мой, Максим Андреевич, человек закрытый. Не сразу, может, согласится. Но... может, вы попробуете? Позаниматься с ней? Платить будут хорошо. Очень хорошо.*

Слово «очень» прозвучало как спасательный круг, брошенный в бурное море ее долгов и безденежья. Но не оно заставило ее сердце сжаться.

А слово «несчастье».

Она сама была знакома с несчастьем слишком близко. Оно жило в ней с тех пор, как умерла ее мать, оставив ее одну в пятнадцать лет.

— Я... попробую, — прошептала она.

Во сне Ася застонала, поворачиваясь на диване. Лихорадочный жар сменился ознобом. Ей снилась их первая встреча с Женей.

Огромный, холодный дом, где пахло дорогим паркетом и лекарствами. Девочка сидела в инвалидной коляске у панорамного окна, неподвижная, как фарфоровая кукла. Ее большие карие глаза были пусты. Они смотрели в сад, но, казалось, не видели ничего.

Ася подошла и, не говоря ни слова, села на пол рядом. Она достала не кисти и краски, а простой блокнот и уголь. И начала рисовать. Не что-то красивое, а просто — ветку дерева за окном, корявую, голую. Она чувствовала на себе взгляд. Не девочки, а мужчины, который стоял в дверях. Высокий, с лицом, иссеченным горем и напряжением. Максим Андреевич. Макс. Его взгляд был тяжелым, колким. Он не верил ей. Он не верил никому.

Ася рисовала, забыв обо всем. И вдруг... краем глаза она уловила движение. Маленькая, бледная ручка Жени медленно, словно против своей воли, потянулась к листу бумаги. Девочка не посмотрела на Асю, ее пальчик просто ткнул в нарисованную ветку и медленно провел по бумаге, оставляя невидимую линию.

В этот момент их взгляды встретились с Максом. И в его глазах она впервые увидела не лед, а искру. Искру чего-то живого. Страха? Надежды?

Ася резко села на диване, сбрасывая плед. Сердце колотилось. Сумерки за окном были густыми, синими. Лихорадка отступила, оставив после себя странную, хрустальную ясность в голове и тяжесть в груди.

Она подошла к мольберту. К наброску с синичкой. И замерла.

Рядом с угольной птичкой, в нижнем углу холста, кто-то — или что-то — нарисовало тонкий, дрожащий стебелек. А на нем — трилистник. Маленький, наивный, но абсолютно узнаваемый.

Цветущий клевер.

Уголь валялся на полу, нетронутый. Следов не было.

Только ее пальцы, испачканные в черной пыли.

Она провела подушечкой пальца по нарисованному цветку. Холст был шершавым. Это было нарисовано углем. Ее углем.

«Мистика, — подумала Ася с странным спокойствием, глядя на свою испачканную руку.

Глава 4. Узор из пепла

Ася просидела перед мольбертом до самого утра, не в силах оторвать взгляд от клевера. Он был нарисован ее углем, ее рукой — в этом не было сомнений. Но она не помнила самого акта рисования. Это было похоже на лунатизм, на действие, совершенное кем-то другим, пока ее сознание было поглощено жаром и воспоминаниями.

С первыми лучами солнца, пробившимися сквозь снежную пелену, странность происшедшего не растворилась, а лишь обрела плотность. Цветок был тут. Реальный.

Она встала, ее тело затекло и ныло. Подошла к окну. Снегопад прекратился. В парке кто-то протоптал темную тропинку к неработающему фонтану. Движение. Жизнь. И вдруг ее осенило.

Рисуй.

Это была не мысль, а импульс, идущий из самой глубины, из того самого места, где рождались образы до того, как их успевала осмыслить голова. Рисуй не то, что видишь, а то, что знаешь. Рисуй правду.

Она лихорадочно схватила уголь и встала перед чистым листом бумаги, приколотым к планшету. Она закрыла глаза, пытаясь вызвать в памяти лицо Макса. Не с фотографии, а живое. То, каким оно было в последний вечер.

Он стоял в дверях, уже одетый. Странно сосредоточенный.

— Мне нужно встретиться с одним человеком. По старому делу. Не жди к ужину.

Он поцеловал ее в лоб, и его губы показались ей холодными.

— Какому делу? — спросила она.

— Закроем гештальт, — он улыбнулся, но улыбка не дошла до глаз. — Обещаю. Вернусь, и всё тебе расскажу. Всё.

«Всё». Что значило это «всё»? Она концентрировалась, пока виски не заломило от напряжения. Она представляла его лицо, его взгляд, линию плеч, ее правая рука, словно сама по себе, начала двигаться.

Уголь скользил по шершавой бумаге, выводил овал, линию бровей, срез скулы. Она не смотрела на рисунок, позволив интуиции вести себя. Она погружалась в то воспоминание, в каждую его деталь. В складку на его пиджаке. В тень, которую отбрасывала настольная лампа. В его руки...

Ее пальцы вдруг резко дернулись, проведя небрежную,

почти агрессивную линию. Она открыла глаза.

На бумаге был портрет Макса. Узнаваемый, живой. Но работа была не закончена. И не это заставило ее кровь стынуть в жилах.

Его рука на рисунке была неестественно вывернута, пальцы сжаты в кулак. Но между пальцами, в этом сжатом кулаке, уголь прорисовал нечто, напоминающее... ключ. Маленький, старомодный ключ.

Ася отшатнулась. Она никогда не видела этого ключа. Он не существовал в ее памяти. Откуда он на рисунке?

И тут ее взгляд упал на другой угол листа. Туда, куда ее рука нанесла тот небрежный, резкий штрих. Она думала, это просто линия. Но теперь, отойдя на шаг, она увидела, что это не так.

Это был не просто штрих. Это была аббревиатура, выведенная угловатым, незнакомым почерком, который точно не

принадлежал ей.

«Н.К.»

И ниже, еще мельче:

«Ищи в парке.»

Воздух застыл в легких. Она провела пальцем по буквам. Угольный след был реальным. Это не галлюцинация. Ее рука, ведомая чем-то помимо ее воли, не только нарисовала несуществующую деталь, но и написала ей послание.

«Ищи в парке.»

Парк. Ее вселенная, радиусом в пятьсот метров. Ее тюрьма вне тюрьмы. Адвокат строго-настрого запретил ей приближаться к людям, вести дневники, делать заметки. «Любое ваше действие может быть истолковано против вас, Ася. Полная тишина — ваша защита».

Но это... это было не просто действием. Это был зов. Призыв к расследованию, брошенный ей ею самой. Или не ею.

Она подошла к окну и снова посмотрела на парк. На темную тропинку, ведущую к фонтану. Теперь он казался ей не просто сломанной скульптурой, а молчаливым хранителем тайны.

«Н.К.» Кто это? Что это? И что она должна искать?

Впервые за многие месяцы страх в ее душе начал медленно, неумолимо превращаться в нечто иное. В решимость.

Она аккуратно открепила лист с портретом и посланием, свернула его в тугую трубку и спрятала под матрас. Ее золотая клетка внезапно обрела дверцу. Очень узкую, очень опасную. Но дверцу.

Во время прогулки, она пойдет в парк. Не просто бродить по дорожкам, а искать.

Только что искать.....

Глава 5. Первый ключ

Прогулка. Раньше это слово вызывало в ней тоску. Обязательный моцион заключенного, отмеренный электронным надзирателем на ее лодыжке. Сегодня же оно звенело в уме как вызов. Как миссия.

Она надела простое темно-синее пальто, купленное кем-то из персонала адвоката, и вышла в подъезд. Лифт плавно понес ее вниз, и на каждом этаже сердце билось чаще. Она чувствовала себя шпионом в стане врага, хотя врага она не знала.

Холодный воздух обжег легкие. Снег хрустел под ботинками. Она медленно, стараясь не привлекать внимания (но кого? пустых скамеек?), направилась вглубь парка, к фонтану. «Ищи в парке» — но где? Парк был не таким уж и маленьким.

Она прошла по расчищенным дорожкам, бросая взгляды на голые кусты, на основание фонтана, покрытое ледяной коркой. Ничего. Никаких подсказок. Только уныние зимнего пейзажа. Разочарование начало подступать холодной волной. Может, это все же была галлюцинация? Плод лихорадки и одиночества?

Отчаявшись, она свернула с тропинки и подошла к своей любимой скамейке — той, что стояла под старой липой, чуть в стороне. С нее был виден и фонтан, и вход в их подъезд. Она часто сидела здесь, наблюдая за жизнью, в которой не могла участвовать.

Сейчас скамья была пуста и припорошена свежим снегом. Ася провела рукой по холодной деревянной спинке, сметая снег. И под пальцами почувствовала что-то шершавое, неестественное.

Она наклонилась. На темном, потрескавшемся от времени дереве, кто-то вырезал ножом или гвоздем маленький, простой рисунок. Почти неразличимый, если не искать специально.

Трилистник.

Такое же простое, детское изображение клевера, как на ее рисунке.

Сердце Аси заколотилось. Она оглянулась. Парк был пуст. Она смахнула снег с сиденья и села, проводя пальцами по резному узору. Это был знак. Но что он означал? Она сидела здесь десятки раз и никогда не замечала его.

Или... его вырезали недавно?

Она снова посмотрела на фонтан. Ледяная чаша, засыпанная снегом. И тогда ее взгляд упал на основание — массивное, каменное, цилиндрической формы. И в нем, почти на уровне земли, зияло темное отверстие — технологический люк для доступа к коммуникациям, давно забытый и ничем не примечательный.

Но сейчас это отверстие казалось ей единственной точкой

притяжения в этом белом безмолвии.

Снова озираясь, она подошла к фонтану и присела на корточки. Отверстие было небольшим, забраным ржавой решеткой, но одна из ее прутьев была отломана. Кто-то мог просунуть туда руку.

Ася натянула перчатку и, преодолевая отвращение, запустила руку в холодную, пахнущую сыростью и гнилыми листьями темноту. Ее пальцы наткнулись на мокрый комок листьев, на какой-то окурок... и на что-то маленькое, твердое, прямоугольное.

Она схватила находку и вытащила руку. В ладони лежал промокший, испачканный землей, но целый пластиковый контейнер от фотопленки.

Дрожащими пальцами она открутила крышку. Внутри, завернутый в прозрачный полиэтилен, лежал свернутый в тугую трубочку клочок бумаги. Она развернула его.

На бумаге было всего три слова, напечатанные на компьютере и распечатанные на дешевом принтере:

«НЕ ДОВЕРЯЙ АДВОКАТУ. ЖДИ СЛЕДУЮЩЕГО
ЗНАКА.»

Ася скомкала записку в кулаке, судорожно глотая ледяной воздух. Мир вокруг поплыл. Ее шикарная тюрьма, ее спаситель-адвокат, ее скудная надежда на оправдание — всё это оказалось карточным домиком, под которым заложили мину.

Она была не под защитой. Она была в центре чужой игры. Но теперь у нее появился сообщник. Анонимный, загадочный, но реальный. Тот, кто знал про клевер.

Спрятав контейнер в карман, она пошла обратно к дому, чувствуя на спине несуществующие взгляды. Каждый шаг отдавался в висках пульсацией зеленой точки на браслете. Она больше не была просто жертвой.

Она была целью. И, возможно, охотницей.

Войдя в подъезд, она на мгновение задержалась, глядя на дверь Лидии Павловны. Сказать ей? Нет. Рано. Слишком опасно.

Поднимаясь в лифте, она думала только об одном. «Следующий знак». Какой? И когда?

А за окном лифта, в сером небе над городом, снова, как в первый день, появилась маленькая синичка. Она порхала с ветки на ветку, будто указывая путь.

Глава 6. Тепло за стеклом

Возвращение в квартиру было похоже на вход в камеру после короткой прогулки во дворе тюрьмы. Роскошь, которая раньше казалась безразличной, теперь дышала скрытой угрозой. Каждая ровная линия мебели, каждый блестящий предмет кричали: «За тобой следят».

Ася заперла дверь на все замки, прислонилась к ней спиной и зажмурилась, пытаясь загнать обратно нахлынувшую панику. «Не доверяй адвокату». Значит, все это время — шикарная квартира, деньги, защита в суде — было ложью? Игрой? Но какой? И с какой целью?

Ее взгляд упал на сверкающую поверхность электрочайника. И вдруг, совсем некстати, ее пронзила простая, почти физическая память. Не о страхе, не о предательстве. О чае.

...Она стояла на кухне в доме Макса, через несколько месяцев после начала занятий с Женей. Дом постепенно терял свой стерильный, музейный лоск. На холодильнике появился первый рисунок Жени — кривой желтый круг, подписанный рукой Аси: «Солнце». На полу в гостиной валялся плюшевый заяц.

В тот вечер Женя, устав от красок, уснула прямо на диване, укрытая папиным пиджаком. Макс зажег камин, и треск поленьев стал единственным звуком, кроме их дыхания.

— Чай? — тихо спросил он, проходя на кухню.

Ася кивнула, следя за тем, как огонь играет в темных волосах спящей девочки.

Он готовил чай не так, как все. Не просто заливал кипятком пакетик. Он насыпал в маленький керамический чайничек крупные листья, первый раз быстро сливал воду, а потом снова заливал горячей и ждал, пока они раскроются. Процесс был похож на ритуал.

— Это унас от деда, — сказал он, заметив ее взгляд. — Он говорил, что чай — это не напиток, а диалог. Нужно дать ему слово.

Он протянул ей чашку. Пальцы их едва коснулись. От этого легкого прикосновения по спине пробежали мурашки.

— Спасибо, — прошептала она.

— Вам спасибо, — он откинулся на спинку стула, и в его глазах, всегда таких настороженных, она впервые увидела не просто усталость, а разрешение на отдых. На передышку. —

Женя... она сегодня произнесла слово. «Красный». Шепотом, когда выбирала краску.

Он сказал это просто, но за этими словами стояло море. Море отчаяния, в котором они оба плавали все эти месяцы, и вот наконец — первый спасательный плот.

— Она очень сильная, — сказала Ася.

— Сильнее нас обоих, — он вздохнул и посмотрел на нее, по-настоящему, не отрываясь. — А вы... вы каким-то чудом нашли к ней дверь. Я уже не верил, что это возможно.

Они сидели в тишине, допивая чай. Говорить было не нужно. Впервые за долгое время в этом доме не было горя, было просто молчаливое понимание. Она чувствовала, как лед в его сердце тает, капля за каплей, под тихим теплом этого вечера. И чувствовала, как тает ее собственная осторожность, ее защитная скорлупа.

Он проводил ее до прихожей, чтобы позвать водителя. И у двери, прежде чем она надела пальто, он вдруг взял ее за

руку. Легко, почти невесомо.

— Останьтесь, — сказал он не громче, чем трещал камин.
— Останьтесь завтра. Ужинать. С нами.

Это был не приказ хозяина дома. Это была просьба одинокого человека к другому одинокому человеку. И в его глазах она увидела не искру, а уже разгорающийся огонь — надежды, благодарности, а может, и чего-то большего.

Она кивнула. «Да».

Воспоминание рассеялось, оставив во рту горьковатый привкус того чая и острое, режущее чувство потери. Тогда, в тот вечер, ей казалось, что она нашла не просто работу, а семью. Причал. Теперь же этот причал оказался миражом, за которым скрывалась смертельная ловушка.

Она подошла к окну и сжала ручку, вжимаясь в нее пальцами до боли. Там, внизу, в заснеженном парке, кто-то оставил ей предупреждение. А здесь, в этой золотой клетке, за ней наблюдал ее собственный защитник, превратившийся в

тюремщика.

Но теперь у нее было не только настоящее отчаяние. У нее было прошлое, за которое стоило бороться. Ради того тепла за стеклом холодного зимнего дня. Ради девочки, которая прошептала «красный». Ради мужчины, который научил ее слушать тишину.

Она не знала, кому верить. Но она знала, ради чего ей предстоит быть сильной. Впервые за многие месяцы ее страх начал кристаллизироваться во что-то твердое. В решимость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.